

На правах рукописи

ЛЕОНТЬЕВА
Светлана Геннадьевна

Литература пионерской организации:
идеология и поэтика

Специальность 10.01.08 — Теория литературы. Текстология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь
2006

Работа выполнена на кафедре детской литературы
Санкт-Петербургского государственного университета
культуры и искусства

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Белоусов Александр Фёдорович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Строганова Евгения Нахимовна

кандидат филологических наук
Давыдов Данила Михайлович

Ведущая организация: Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена

Защита состоится «___» июня 2006 г. в ___ часов на заседании дис-
сертационного совета К.212.263.03 в Тверском государственном уни-
верситете по адресу: 170002, г. Тверь, проспект Чайковского, д. 70,
филологический факультет, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Твер-
ского государственного университета (ул. Володарского, д. 44а).

Автореферат разослан «___» мая 2006 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

С. Ю. Николаева

Среди литературных явлений есть такие, которые по форме и функции хотя и напоминают литературу в общепринятом понимании этого слова, но возникают не как результат творческого самовыражения автора, а благодаря заказу какого-либо социального института: государственного аппарата, политической партии, религиозных организаций. Одним из таких явлений в советское время была литература пионерской организации.

Наряду с тем, что вся литература в советской стране подчинялась в той или иной степени партийной идеологии, производилась и специальная литературная продукция, функция которой была *прежде всего* политико-идеологическая. Эта агитационно-пропагандистская литература была адресована членам партии, комсомола, пионерской организации и зачастую издавалась в составе серий «Библиотека агитатора», «Библиотека юного ленинца», «В помощь пионервожатому» и т. п.

Огромное количество агитационно-пропагандистской продукции было адресовано особой группе внутри читательской аудитории — детям. Эта продукция была частью «детской литературы», но предназначалась она особым читателям. Дело в том, что все советские дети были пионерами (в возрасте от 10 до 14 лет) или готовились вступить в пионерскую организацию, одновременно становясь адресатами специальной *пионерской литературы*. Мы будем употреблять определения *литература пионерской организации* и *пионерская литература* как тождественные.

Круг авторов, создававших литературу пионерской организации, был весьма разнородным. Это в первую очередь непрофессиональные поэты, писатели, драматурги: Ш. Бейшаналиев, Е. Гай, С. Глязер, Я. Задыхин, В. Каринский, Г. Пушкарев, А. Резапкин, хотя к созданию некоторых текстов, использовавшихся в пионерской коллективной практике, оказались причастны и поэты-комсомольцы А. Жаров, А. Безыменский, и детские писатели «первого ряда» А. Гайдар, В. Губарев, Л. Кассиль и др. Однако удельный вес текстов, созданных непрофессиональными, часто анонимными авторами значительно больше.

Особое место литературы пионерской организации в структуре советской детской литературы связано с её специфической прагматикой. Во-первых, из огромного количества литературных текстов, предназначенных советским детям, отчётливо можно выделить такие, которые специально *создавались для использования в работе с пионерами*, прежде всего в коллективной пионерской практике. Их содержанием была коммунистическая идеология, в адаптированной форме преподнесённая детям. Правда, такая литература могла не использоваться по назначению, однако для нас важен уже тот факт, что она была издана.

Во-вторых, дифференцируя детскую литературу и *литературу пионерской организации*, нельзя не учитывать ещё одно обстоятельство: литература пионерской организации не была изолирована от остальной советской литературы, предназначенной как детям, так и взрослым. Существовали литературные произведения, которые, хотя и не создавались специально для работы по идейному воспитанию детей, тем не менее, *функционировали* в пионерской среде и *намеренно использовались* пионерскими работниками в коллективной пионерской практике. Этому способствовало то, что в идеологических аппаратах партии и комсомола складывалась вполне определённая тенденция поставить всю детскую словесность на службу идеологии.

Таким образом, к пионерской литературе мы относим всю литературу, которая не только *публиковалась* для пионерских работников и пионеров в специальных изданиях, в том числе серийных, но и *de facto использовалась* в пионерской коллективной практике: последнее восстанавливается нами по сценариям проводившихся пионерских ритуалов, мемуарным свидетельствам, отчётам и рабочим дневникам пионерработников, летописям пионерских дружин, сообщениям в периодической пионерской печати и из других источников.

Пионерская литературная продукция достаточно многообразна и разнородна в плане жанровой природы. С одной стороны, *ядро* пионерской литературы составляют произведения, которые имеют традиционную для литературоведения жанровую атрибуцию: это песни, пьесы, стихотворения, беллетризованные биографии. И в то же время реальная ритуальная практика пионерской организации потребовала создания текстов (призывы, девизы, лозунги, речёвки), отнесение которых к литературным требует либо серьёзных оговорок, либо попросту невозможно. Подобные афористические жанры образуют *периферию* пионерской литературы. Принимая это во внимание, мы не можем отказаться от их рассмотрения, потому что для пионерских текстов в высшей степени характерны межжанровые взаимосвязи и миграции; и, что важно, не только между «ядерными» жанрами, но в немалой степени между «ядерными» и «периферийными». Речь идёт о едином поле пионерской литературы и словесности, в котором наблюдается общность формул и клише, персонажей, нарративных схем и т. д. Опираясь на методологические положения Ю. М. Лотмана, высказанные, в частности, в его работе «К проблеме типологии текстов», можно утверждать, что различные по своей природе тексты могут приобретать функции литературности, то есть и создаваться, и восприниматься как явления литературного порядка.

Возникнув в 1920-е годы, пионерская литература закончила своё существование вместе с ликвидацией пионерской организации в 1991 году. Этим периодом ограничиваются **хронологические рамки**

нашего исследования. Можно сказать, что корпус текстов пионерской литературы закрыт; это позволяет взглянуть на пионерскую литературу как на целостное, законченное явление, даёт возможность проанализировать динамику её существования. Исходя из теории литературного процесса, выдвинутой Ю. Н. Тыняновым, пионерскую литературу можно рассматривать как «литературный факт» — динамичное явление литературного процесса советского периода.

В связи с тем, что теоретико-литературные работы, посвящённые поэтике литературы организаций, в отечественном литературоведении отсутствуют, наша работа является, по сути дела, первой попыткой теоретико-литературного осмысления подобного феномена в его жанровых разновидностях и историческом развитии от момента возникновения к моменту утраты основных функций. Для предшествующих исследований характерно реконструировать идеологическое содержание литературных текстов на основании отдельных наблюдений или же, напротив, широких обобщений. В нашей работе предпринято систематическое описание идеологической системы пионерской литературы на основании сопоставительного анализа устава организации как основного нормативного документа и литературных текстов. Этим определяется **научная новизна работы.**

Актуальность нашего исследования предопределена как минимум двумя факторами. Во-первых, в современной словесности широко представлены формы, которые находятся на пограничье между собственно художественной литературой и беллетристикой/массовой литературой, художественной литературой и агитационно-пропагандистской литературой и словесностью, в которых художественное и эстетическое начало играют второстепенную роль по отношению к началу внеэстетическому. Однако эти явления редко попадают в поле зрения исследователей. Во-вторых, подобного рода литературные явления возникали в истории литературного процесса неоднократно, например, литература скаутской организации, литература прицерковной среды, литература революционеров-народников и др. В то же время при определенных условиях, а именно в том случае, когда у какой-либо организации появляются агитационно-пропагандистские намерения, такая литература может возникнуть, а потому актуальной представляется и задача ее описания, разработки проблем ее поэтики.

Таким образом, на основании единой семантики и прагматики, специфики функционирования выделяется **объект исследования** — *литература пионерской организации*. **Предметом исследования** является *идеологическое содержание* литературы пионерской организации, взятой в её жанровых разновидностях.

Основной **целью** исследования стало *выявление идеологической системы значений* в литературе пионерской организации. Для вы-

полнения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- определить место пионерской литературы в составе детской литературы советского периода;
- выявить корпус текстов, в наибольшей степени содержащих идеологические значения;
- проанализировать способы реализации идеологических значений в выявленном корпусе текстов;
- проследить изменения семантики и прагматики жанров пионерской литературы в социально-историческом контексте;
- установить преемственность пионерской литературы по отношению к предшествующим литературным (жанровым) традициям;
- установить специфику функционирования пионерской литературы в пионерской ритуальной практике.

Материал и методы исследования. Решение поставленных задач потребовало, в первую очередь, выявления текстового корпуса, который создавался для пионерской организации и функционировал в коллективной пионерской практике. Для этого были использованы уставные документы пионерской организации, литературные тексты, опубликованные в пионерской периодике, методических пособиях, репертуарных сборниках, серийных изданиях пионерской беллетристики («Библиотека юного ленинца», «В помощь пионервожатому», «Для тех, кто работает с пионерами» и др.); часть литературных материалов была почерпнута из личных архивов и архива ЦАМО (Центральный архив молодёжных организаций. Москва).

Методология анализа обусловлена как спецификой материала, так и кругом поставленных задач. Текстологический анализ и дискурс-анализ редакций уставных документов позволяет проследить хронологические изменения в идеологическом содержании литературы пионерской организации. С помощью контент-анализа определяются значимые семантические компоненты, организующие единое смысловое поле пионерских текстов. Структурно-типологическое изучение сюжетов пионерской литературы позволяет выяснить место пионерской литературы в ряду близких ей идеологизированных литературных традиций, что подкрепляется анализом поэтики текстов. Пионерская литература исследуется как динамическое литературное явление, прослеживается генезис её основных жанров и даётся

анализ разных аспектов социального функционирования пионерских текстов.

На защиту выносятся *следующие положения*:

- литература пионерской организации (пионерская литература) является национально и исторически специфическим фактом литературной истории России, отразившим основные закономерности литературной и культурной жизни страны в 1920–80-е годы XX века;
- пионерская литература реализует особую модель литературного процесса, подвергнутого форматирующему воздействию господствующей идеологии;
- корпус текстов пионерской литературы демонстрирует вторичность по отношению к ряду литературных и нелитературных жанров; последние эксплуатируются идеологией в целях максимально эффективного воздействия на советских детей, объединённых в пионерскую организацию;
- тексты пионерской литературы подвергаются содержательной переработке в соответствии с изменениями политической и идеологической обстановки в стране — при неизменности жанровой инвариантной структуры (песня, беллетризованная биография пионера-героя, драматическая миниатюра и т. д.).

Теоретическая значимость диссертации состоит в выделении особого типа литературы как *литературы организации*, что, с одной стороны, позволило дополнить уже имеющуюся типологию литературных явлений, а с другой — открывает путь для изучения других феноменов литературы подобного типа. Для исследования литературы организации нами разработан *инструментарий*, специфика которого обусловлена внелитературными факторами. С помощью набора методов, представляющих собой совокупность инструментов, принятых в литературоведческих, лингвистических, социологических и культурологических исследованиях, стало возможным выявление литературных и языковых *средств конструирования идеологических значений в литературном произведении*.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования её материалов, положений и выводов в разработке общих курсов по теории литературы, истории литературы XX века, детской литературы, подготовке спецкурсов по различным формам идеологизированной словесности. Материалы диссертации могут быть также использованы другими дисциплинами, такими как социология, культурология и т. д.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в 8 статьях и в выступлениях на следующих научных конференциях «Герценовские чтения» (РГПУ, апрель 1997), «Детский текст — текст о детях — текст для детей» (СПбГУКИ, декабрь 2000), «Традиционная культура и мир детства. XII Виноградовские чтения» (Нижегород, НГУ, июнь 2001), «Детская литература и детский фольклор в социокультурном контексте» (СПбГУКИ, декабрь 2001), «Детский фольклор и субкультура детства: методология собирания, описания, изучения. XIII Виноградовские чтения» (СПбГУКИ, июнь 2003), «Пушкин и Калиостро. Внушение в искусстве и в жизни человека» (СПбГУ, июль 2004), «Гайдаровские чтения» (СПбГУКИ, декабрь 2004), «Эстетическое пространство детства и формирование культурного поля школьника» (РГПУ, февраль 2006).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и приложения «Пионерская идеология в Уставе пионерской организации: текстологический анализ».

Содержание работы

Во **Введении** обосновывается тема диссертации, её теоретическая значимость и актуальность для современных филологических разысканий. Характеризуются объект и предмет исследования. В связи с этим определяется место литературы пионерской организации в ряду литературных явлений: *беллетристика — массовая литература — словесность*. Несмотря на наличие у пионерской литературы отдельных черт этих явлений (шаблонность, анонимность, способы тиражирования, отсутствие самоценности текста и др.), по ряду других существенных параметров совокупность текстов пионерской организации не может быть отнесена ни к одному из них. В то же время нами выявлено и соотношение *литература — литература пионерской организации*: если в *литературе* субъект письма и субъект рецепции в равной степени суверенны по отношению к тексту, то в пионерской литературе субъектно-объектная составляющая дискурса принципиально модифицируется — реципиент из полноправного субъекта литературного сотворчества превращается в объект идеологического воздействия.

В нашей работе мы опираемся на методологию и выводы исследований, посвящённых проблемам: соотношения идеологии и литературы (В. И. Тюпа, К. Кларк, Х. Гюнтер), идеологии и детской литературы (М. Чудакова), массовой советской словесности (Н. А. Купина, Е. В. Душечкина, С. С. Шведов), литературы организации (В. Г. Базанов), тоталитарного дискурса (П. Серио, Н. А. Купина, Н. Н. Ромашов). Во введении суммируются основные результаты в области разработки названной проблематики.

Идеологическая концепция пионерской организации может быть реконструирована на основании главного документа пионерской организации — её Устава. В уставе нами выделены самостоятельные устойчивые тексты, имеющие особые жанровые наименования, — призыв, обещание, законы и обычаи пионеров, которые могли функционировать отдельно от Устава. Эти тексты составляют собой «словесное ядро»: в них в лаконично форме изложены основные принципы организации и заключена система идеологических ценностей и приоритетов пионерского движения. Уставные тексты призваны сконструировать идеальный образ члена организации.

За все годы существования пионерской организации в Устав вносились изменения, отражающие смену идеологических и педагогических приоритетов. Анализ текста устава позволяет проследить соответствующие изменения в дискурсивных стратегиях. Результаты анализа Устава помещены в **Приложении**. Статистический анализ словоупотреблений позволил определить, что наиболее частотны слова, образующие гнезда однокоренных слов к лексемам: *пионер, работа, труд, дело*, кванторы всеобщности. Выявленная сочетаемость этих слов эксплицирует наиболее существенные идеологические ценности: классовое деление (*рабочий класс*), труд, коллективность, верность коммунистической идеологии (*дело рабочего класса* и т. п.). Были выделены и те компоненты, удельный вес которых возрос к 1970–1980-м годам в связи с изменениями в идеологических приоритетах партии, это — *дети, дружба, учёба*. Аккумулируя пионерскую идеологию, уставные тексты являлись тем фундаментом, на основе которого создавалась литература пионерской организации: в этом проявляется взаимосвязь *литературы* (пионерской литературы) и *социального института* (пионерской организации). Анализ идеологии, выраженной в Уставе, даёт основу для дальнейшего описания тех форм и способов реализации, которые получает это идеологическое содержание в текстах пионерской литературы. Этому посвящено основное содержание диссертации.

В **первой главе «Литература пионерской организации и её жанры»** охарактеризованы этапы становления этого литературного явления, выявлены авторы специально создававшегося для пионерской организации корпуса текстов, установлены способы распространения и тиражирования пионерской литературы. Выделен круг жанров, которые несут основную идеологическую нагрузку: песня, пьеса, афористика. Для каждого из жанров охарактеризованы механизмы создания новых текстов и межжанровые взаимосвязи. Дётся анализ исторической динамики содержания текстов в соответствии с изменениями в идеологии организации.

К афористическим пионерским текстам относятся девизы и речёвки. Девиз в афористичной форме передавал идейное кредо пионер-

ского отряда. В зависимости от смены идеологических приоритетов менялись форма и содержание этих афоризмов; если поначалу это были советские лозунги с политическим содержанием, то в послевоенное время их замещают менее политизированные самодеятельные рифмованные изречения, цитаты из литературы и кинофильмов. В момент возникновения пионерских речёвок в 1920-е годы этот жанр имел прежде всего политико-идеологический смысл, но уже в послевоенное время его содержание существенно расширилось: появились тексты развлекательного и дидактического содержания. Это привело к тому, что при создании речёвок стали использовать формы и содержание жанров детского фольклора: потешек, пестушек, закличек, считалок и др.

Состав песен, публиковавшихся в пионерских песенниках, отчётливо различается по двум периодам: первый — 1920-е, второй — начиная с 1930-х гг. Внутри каждого периода состав издававшихся песенников варьировался крайне незначительно, в то время как между периодами различия существенны. Это деление согласуется не только с этапами становления советской песенной традиции: хронологическая граница конца 1920-х — начала 1930-х годов актуальна для советской культуры в целом.

На основании анализа наиболее частотной лексики, употребляемой в текстах песен для каждого из двух выделенных периодов, выявлен круг значимых концептов, выражающих советскую систему ценностей и организующих смысловое поле песен. Для первого периода (1920-е) наиболее употребительны лексемы со значением движения/хождения и политической принадлежности *пионер* и его дериваты. Последняя в свою очередь задаёт идеологические приоритеты: *труд, наш, дружба, борьба, работа*. Отмеченные лексемы обладают устойчивой высокой частотностью во всех текстах пионерской литературы. Лексемами *барабан, лагерь, песня, знамя, ряд* создаётся контекстное окружение для субъектов действия — *пионер* и *мы*, действия же заключены, как уже говорилось, прежде всего в движении и затем издавании звуков (среди словоформ, обозначающих звук: *гром, крик, клич, звон, сигнал*).

Анализ словоформ, употребительных в текстах 1930–80-х годов, даёт иные результаты. Особенно это касается субъектов действия (наиболее частотным оказывается местоимение *мы* и его дериваты, которому сильно уступает *пионер* и его дериваты), тогда как среди глагольных лексем первое место по частотности по-прежнему занимает глагол *идти*. Преобладание этих лексем связано с пропагандируемой в 1930-е годы идеей активной деятельности на благо советской страны — это время многочисленных открытий, связанных с освоением пространства, совершенных советскими лётчиками, полярниками, геологами и шире — первооткрывателями в области при-

кладного научного и технического знания. Не случайно в 1931 году в Законах пионеров появляется следующая формулировка: *Пионер – активный разведчик природных богатств СССР. Пионер помогает поставить природу на службу социализму*. Освоение неизвестных миров связывается в песенных текстах 1930-х годов с понятиями свободы, воли, стихии, высоты. В 1960-е годы массовый романтизм получает дополнительные оттенки: сверхличностный оптимизм тридцатых сменяется сентименталистским любованием природой, на смену освоению Севера и индустриальной экспансии на Восток придёт «романтика» туристических походов и научных экспедиций.

Важное место в песенных текстах 1930–1980-х годов стала занимать и тема государственности, единой советской страны. Об этом свидетельствуют высокая частотность слов *страна* и *родина*. Изменение идеологических приоритетов было едино для всех жанров пионерской литературы, чему свидетельством тот факт, что к 1939 году в Законах пионеров первым пунктом появилась формулировка: *Пионер горячо любит Родину, Коммунистическую партию*. До этого момента в Законах пионеров слово *Родина* не встречалось, а первым пунктом следовало положение о политической ориентации пионера, например: *Пионер – верен делу рабочего класса, заветам Ильича*. В этот же период в песенных текстах появляется ещё один новый мотив: широта родных просторов, красота родной земли. Совокупность лексем *страна, родина и земля, край*, в сочетании с прилагательными *родной, большой, широкий* составляет новый образ советского государства (в отличие от революционно-военного 1920-х годов). С 1970-х годов все большее значение получает тема школьной жизни, учебной повседневности, о чем свидетельствует распространение таких лексем как *школа* и *учёба*. В текстах 1920-х годов эти лексемы не встречались. Это объясняется тем, что к этому периоду (1970-е) употребление слова *пионеры* стало тождественно словам *школьники, дети*: все советские дети являлись пионерами, что и выразилось в отождествлении этих понятий.

Статистический подсчёт названий песенных текстов обоих периодов показал, что наиболее частотными в обоих случаях оказываются слова *пионерский* и *мы*, формирующие существенные для жанра пионерской песни идеологические значения коллективности и принадлежности к пионерской организации, остающиеся неизменными в динамичном контексте советской идеологии.

Среди драматических произведений, созданных для пионерской организации, основное место занимали небольшие по объёму пьесы (драматические миниатюры). В большинстве своём это произведения на историческую (Октябрьская революция и т. д.) и пионерскую тематику (образ жизни пионеров, образ жизни угнетаемых детей зарубежья, праздники и повседневный быт пионеров, героические по-

ступки пионеров, жизнь в пионерском лагере и пр.), реже встречаются актуальные темы общественной жизни советской страны: борьба с внешними и внутренними врагами (шпионами, вредителями социалистической собственности, фашистами), трудовая доблесть советских граждан и пр. Авторы этих миниатюр, в том числе и анонимные (среди которых было много пионерских работников), выражали воспитательные и идеологические идеи «текущего момента»: так, в 1920–30-е годы были популярны сатирические сцены агитационного характера на тему родительского пьянства, борьбы с религией, кулаками и пр. Агитационная составляющая пионерских пьес с середины 1930-х идёт на убыль, но в целом для пионерского театра характерна злободневность (изображаются актуальные ситуации пионерской повседневности) и восприимчивость к идеологическому заказу.

На материале драматических миниатюр выделены наиболее типичные сюжеты. Многие сюжеты строятся по схеме: герой-ребёнок (беспризорник/двоечник/фантазёр и т. п.) упорствует в бузотёрстве — оказывается в ситуации испытания — исправляется. К финалу произведения герой всегда на стороне советской власти/отличников/сознательных пионеров и пр. Логика образа призвана демонстрировать силу коммунистической идеологии: каждый ребёнок (даже весьма задиристый) в общении с пионерами приобретает зрелость и сознательность, а затем неизбежно и сам становится образцовым членом пионерского коллектива. Так литературное произведение предлагает образцовую модель поведения, руководство к действию: вступить в ряды пионерской организации, а, вступив, соответствовать званию пионера.

Во второй главе «**Пионерский героический сюжет в идеологическом контексте: генезис, морфология, поэтика**» рассматривается сюжетное воплощение идеологии пионерской организации. В пионерской литературе есть сюжетные тексты, в которых описываются будни и праздники пионерского отряда и/или дружины, взаимоотношения между пионерами, пионерами и семьёй и т. д. На примерах пионерских литературных текстов различных жанров (пьесы, рассказы) показано, что каждый текст служит сюжетной иллюстрацией одного или нескольких положений законов пионеров.

Основным материалом для анализа в настоящей главе стали героические сюжеты пионерской литературы. Эти сюжеты стали появляться с возникновением пионерской организации. К этому времени в советской литературе интенсивно создавались тексты (романы, беллетризованные биографии и пр.), в которых персонажи действовали согласно героической схеме поведения, и пионерские героические сюжеты органично встали в один ряд с аналогичными сюжетами взрослой литературы.

С историко-генетической точки зрения источники пионерского героического нарратива разнообразны. Он усваивает опыт и древнерусских житий святых, и русской демократической литературы XIX века, и агитационной «народной» литературы второй половины XIX — начала XX века. Среди его литературных предшественников можно назвать ещё и дореволюционную литературную продукцию для детей, описывающую похождения юных героев Первой мировой войны. Кроме того, героические поступки детей (в том числе и на войне) были в центре внимания скаутской литературы, однако в ней поступки героев объясняются не их социальным происхождением, а психологическими чертами (в кризисных ситуациях волю и решимость проявляют робкие и застенчивые герои). Соотношение воспитательной программы скаутского движения и скаутских литературных произведений аналогично соотношению пионерской идеологической программы и пионерской литературы.

Однако ближайшим предшественником пионерского героического нарратива следует считать детскую литературу первого послереволюционного десятилетия, сохранившую нравоучительный пафос детской литературы XIX и первого десятилетия XX века. С одной стороны, это сюжеты о детях, которые совершают героические поступки по спасению людей, чаще сверстников. Для подобных сюжетов характерна чёткая социальная дистрибуция героев: пролетарские дети спасают детей дворянского происхождения. С другой стороны, в этот же период появляются произведения, посвящённые событиям гражданской войны и участию в них детей-подростков (П. Бляхин, Л. Остроумов, С. Ауслендер и мн. др.). Большинство из них было осуждено литературно-педагогической критикой за «ходульность и схематичность» образов. В то же время вся эта литературная продукция ещё не была пионерской по функционированию.

Развитие собственно пионерской литературы выразилось в том, что во второй половине 1920-х годов стали создаваться тексты о современной повседневности советских детей, героями которых стали пионеры, совершающие героические поступки. Именно эти тексты прежде всего и были предназначены для использования в коллективной пионерской практике в качестве материалов для пропагандистских и воспитательных бесед.

До начала 1930-х годов персонажи большинства пионерских героических нарративов не соотносились с историческими лицами. Вымышленные истории о подвигах пионеров рассказывали о предотвращении катастроф, спасении на пожаре и на водах и пр. В этих произведениях могли использоваться не только героические текстовые модели, но и другие, уже традиционно предназначенные для детской аудитории. Так, в одном из текстов — рассказе К. Минаева «Ариша-пионерка» — представлен сюжет о пионерке, противостоящей роди-

телям, которые запрещают ей вступать в ряды пионерской организации. Героиня не смогла преодолеть сопротивление родителей, ушла из дома и замёрзла на морозе. «Ариша-пионерка» содержит не только элементы святочного рассказа (замёрзший ребёнок), но и другие аллюзии: например, библейские символы жертвенности (найденную замёрзшую девочку деревенские бабы называют «овечкой беленькой»). Использование уже знакомых для юных читателей приёмов создания образов и сюжета должно было способствовать усвоению новых идеологических постулатов.

С начала 1930-х годов стали создаваться тексты для пионеров, повествующие о реальных исторических лицах: взрослых героях и детях-героях. Вместе с замечательными современниками (партийными вождями, лётчиками, полярниками и ударниками социалистического строительства), в число героических персонажей входили первые революционеры-подпольщики, участники Октябрьской революции и гражданской войны, некоторые исторические деятели, которые воспринимались как борцы за рабочее дело: Спартак, Степан Разин, Пугачев и др. В то же время появились специальные тексты для детей, повествовавшие о подвигах пионеров, за которыми впоследствии закрепилось наименование *пионеры-герои*. Жизнеописания детей-героев возникли, когда в новых условиях мирного строительства потребовалось сформировать представление об образе жизни типичного советского ребёнка. Им стала каждодневная готовность к совершению подвига.

Единая текстовая модель жизнеописаний пионеров-героев формируется в конце 1920-х годов, но особенно интенсивно в 1930-е годы, когда в массовой пионерской печати появляются многочисленные публикации, посвящённые героическим поступкам юных ленинцев. Зарождение текстовой традиции самым непосредственным образом связано с газетно-публицистическим дискурсом. Впоследствии «голый факт» обрабатывался и републиковался в других изданиях. Объём републикуемых текстов колеблется от конспективной заметки до художественного очерка, но качественного отличия в структуре и топике у свёрнутых и пространных газетно-журнальных вариантов нет. Затем, уже ко второй половине 1930-х годов, начинают издаваться авторские и анонимные брошюры различного художественного качества. Первые отдельно изданные жизнеописания, претендующие на художественность, возникают в 1950-е годы. Сборники жизнеописаний и монографии циклизуются в серии: «Жизнь подвиг», «Юные герои», «Компас», «Библиотека юного патриота» и др. При этом все редакции одного жизнеописания (газетные заметки, аннотации в биобиблиографических изданиях, приложения жизнеописаний к буклету с портретами, отдельные издания, песни и пр.) сохраняют изначальную стереотипию образов и приёмов их создания.

Сюжеты о пионерах-героях реализуются в разных жанровых формах. Помимо разнообразных прозаических, создаются поэтические и драматические переработки сюжетов: стихи, песни, пьесы. Жанровая специфика этих текстов сочетается с устойчивым содержанием и топикой героического сюжета.

Жизнеописание пионеров-героев содержит ряд особенностей изображения исторического лица. Все дети названы неофициальным (а иногда и уменьшительным) вариантом имени: Павлик, Володя, Гриша, Лида и т. д. Антропонимическая «уменьшительность» служит акцентированию детскости персонажа, что в свою очередь придаёт особое значение их подвигу. В портрете героя подчёркивается внешняя обычность, и даже заурядность, что должно было показать: каждый ребёнок, независимо от своих внешних данных, способен совершить подвиг. В жизнеописаниях обнаруживаются стереотипные черты детства героя, имеющие прогностическую функцию: это особая дата рождения (например, в один день с вождём пролетариата или в дни революционных праздников) и необыкновенные качества личности (почитание родителей, любовь к чтению и природе, аккуратность, верность слову, сознательность, отличная учёба как вклад в социалистическое строительство, активное участие в общественной работе, спортивность, бережливость по отношению к социалистическому имуществу, овладение техническими знаниями и пр.). Эти черты унаследованы от предшествующих текстовых традиций, построенных по принципу биографии (как фольклорных — героический эпос, так и литературных — житие, русская демократическая литература XIX века), но в то же время всё это типично и для беллетризованной биографии советских героев.

Анализ структуры жизнеописаний пионеров-героев демонстрирует, что факты биографии ребёнка располагаются в жизнеописании таким образом, чтобы проиллюстрировать идею о воплощении героической модели поведения в судьбе ребёнка. Эта модель не является сугубо пионерской; напротив, она вообще характерна для советских беллетризованных биографий и в типологическом плане жизнеописания пионеров-героев можно поставить в один ряд с произведениями о советских героях для взрослых читателей. После более или менее полного изображения раннего детства и подготовительного периода к сознательной зрелости героя наступает кульминация повествования — испытание героя (перевыполнить трудовой план, предотвратить крушение поезда, спасти тонущего ребёнка, уничтожить врага и т. п.), целью которого является подтвердить, что испытываемый ребёнок — настоящий пионер, что его действия соответствуют заданной идеальной модели.

Основная часть сюжета, посвящённая испытанию героя, в значительной степени стереотипизирована и может быть сведена к неболь-

шому набору сюжетных ситуаций. Анализ кульминационного центра жизнеописаний (изображение ребёнка в экстремальных условиях подвига) позволил выделить из корпуса однородных жизнеописаний пионеров-героев повторяющиеся элементы и свести их в 6 структурных типов. Первая сюжетная ситуация всех без исключения структурных типов — **противостояние** героя и антигероя (врага). Враг может быть человеком (кулак, шпион, фашист), а может являть собой природную, техногенную или иную катастрофу. При противостоянии врагу любого типа подчёркивается неестественность ситуации: ребёнок вынужден выступать в роли равноправного участника единоборства, будь то война, коллективизация или пожар.

В тех случаях, когда герой только позиционирует свою готовность к вступлению в противоборство, а непосредственного контакта с идеологически «чужим» не происходит, **устранение врага** достигается в исторической перспективе. При этом средствами сюжета постулируется идейное превосходство пионера, а значит, и **победа** советской власти над антисоветскими элементами (**1 сюжетный тип «Заида Акишева»**).

Характеристика одного члена противостояния как «своего» (пионер-герой) и другого как «чужого» (враг) имплицитно подразумевает их потенциальное **столкновение**, имеющее определённый результат, — **устранение** или **неустранение** врага. При контакте с неантропоморфным врагом сюжет сводится к минимальной последовательности действий: **столкновение с врагом — устранение врага — победа** (**2 сюжетный тип «Саша Плетцов»**). Так, если герой сталкивается со стихийным, техногенным и пр. бедствием, он не раздумывая, вступает с ним в борьбу и одерживает победу. Результат преодоления опасности/трудности — спасённый ребёнок, остановленный поезд, потушенный пожар. Устранение антропоморфного врага также может следовать за первым столкновением с ним. В случае, если герой, одержав победу, остаётся жить, он получает вознаграждение (общественный резонанс, поездка в Артек, подарок и пр.). Под **устранением врага** в данном случае понимается нейтрализация вредоносного действия врага, которая осуществляется активными действиями со стороны героя: донос, саморучная поимка, физическое уничтожение. Названные способы **устранения врага** рассмотрены в историческом и идеологическом контексте. Выясняется, что различным этапам существования жанра соответствуют и разные способы устранения врага: если в 1930-х это донос (сюжеты о кулаках) и саморучная поимка (сюжеты о шпионах), а в 1940-х годах — физическое уничтожение (сюжеты о фашистах), то в последующие годы в силу прежде всего ретроспективного изображения пионеров-героев в текстах представлены уже те способы, которые обусловлены типом врага (кулак, шпион, фашист), заданного в свою очередь временем, когда жил ребёнок-

герой. Смена врагов и приёмов их устранения даёт представление как о динамике самой описываемой литературной традиции, так и о влиянии внелитературных факторов (и прежде всего государственного идеологического заказа).

Выделены сюжеты, в которых устранение врага сопровождается гибелью героя. Происходит это тогда, когда за **устранением врага1** следует **месть сообщников врага (месть врага2)**. В качестве обязательного продолжения этого типа сюжетов выступает **месть соратников героя** за его убийство. Соратниками героя могут являться его одноклассники, члены его пионерского отряда, старшие товарищи, советские солдаты и все советское общество в целом. Результат мести — **устранение врага2**, которое предстаёт как окончательная **победа (3 сюжетный тип «Павлик Морозов»)**. Осмысляя построение социализма/коммунизма как возмездие всем противникам советской власти и государства, в том числе и убийцам пионеров, авторы текстов подчёркивают, что герои погибли «не зря» и отмщением за их смерть стало укрепление социалистического строя.

Другая ветвь развития сюжетов описывает случаи, когда врага не удаётся устранить с первого раза (**неустранение врага 1**). Неудачная первая попытка может заканчиваться **смертью героя** от рук **врага1**. Смерть героя в этом случае сопровождается последующей **местью соратников героя (устранение врага1)**. Замыкающим звеном таким образом оказывается посмертная победа над врагом (**4 сюжетный тип «Павлик Гнездилов»**).

Следующий сюжетный тип содержит ситуацию, когда врага не удаётся с первого раза устранить (физически уничтожить, поймать, изблечить и т. д.), но при этом герой остаётся жив и предпринимает вторую попытку, которая венчается **победой (устранение врага1) (6 сюжетный тип «Дулахан Шакирова»)**, и тогда можно считать равными **2** и **6** сюжетные типы. Как правило, это сюжеты о слежке за вредителями социалистической собственности с последующим их изблечением. И последнее, это сюжеты, в которых действие развивается аналогично **3** сюжетному типу и повторная попытка венчается **победой (5 сюжетный тип «Коля Яковлев»)**. В этом случае герой преследует врага (кулак, фашист и др.), уничтожает его со второй попытки, но сам погибает от рук мстителей.

Изображение мученической смерти героя является кульминационным моментом в изображении его подвига. Независимо от времени создания текста характерен образ героя-жертвы. Литературная продукция, предназначенная детям, транслировала идею жертвенности как одну из основных воспитательных идей пионерии. И дети, умирающие от обморожения или переохлаждения, спасая товарищей в 1920-е годы, и дети, убитые кулаками в 1930-е годы, и, наконец, дети, погибшие во время Великой Отечественной войны, — все эти пер-

сонажи беллетризованных биографий образуют мартиролог героев-мучеников.

Для 1920-х изображение смерти ещё не имеет устойчивой образной стереотипии, так как сюжеты, заканчивающиеся смертью ребёнка, являются скорее исключением, нежели правилом. Но уже в начале 1930-х годов вырабатывается канон описания смерти, принимаемой от рук врагов. В традициях готического нарратива ребёнка чаще всего убивают тайно в тёмное время суток, по преимуществу осенью, заманив его в пустынное место (кладбище, болото, подвал, чердак, окраины села/города, лес и т. п.) или же настигнув одного дома во сне или в беспамятстве. Место гибели и тайного захоронения героя сопровождается «ужасными» подробностями (детали расчленённого тела, следы борьбы и пр.). Все типы врагов, представленные в жизнеописаниях, — кулак, шпион, вредитель, а в 1940-е годы фашист — строятся по одной и той же образной модели: они всегда кровожадны и жестоки, их образы создаются с использованием зоосравнений, при помощи стереотипных портретных и речевых характеристик.

Важной особенностью изображения смерти героя является «торможение» художественного времени (термин В. Шкловского), которое можно сопоставить с приёмом затягивания сцены убийства в остросюжетных нарративах (боевике, детективе, приключенческом романе). В частности, начиная с 1930-х годов «торможению» сюжетного времени способствует многоступенчатое изображение мученической смерти пионера-героя (героя пытаются, убивают несколькими способами одновременно — сначала душат, потом топят и т. д.), такая многоступенчатость восходит к житийным текстам, в которых истязание плоти святого прямо свидетельствует о его духовной силе. Особой суггестивной силой в описании мук героя обладают сенсорные образы: запахи, вкусы, осязательные ощущения. Садомазохистские сцены убийств и гибели, истязания детей и расчленения их трупов, ожоги на пожарах и обморожения в ледяной воде при спасании утопающих — всевозможные изображения деструкции в сюжетах о пионерах-героях носят жанрообразующий характер. Избыточность такого количества смертельных истязаний героя объясняются прагматикой жанра: напугать читателя-ребёнка, заставить его содрогнуться перед муками героя и восхититься образцовым подвигом.

Возможности сюжетного варьирования жизнеописаний ограничены двучленной структурой жизнеописаний. Первая часть жизнеописаний, как правило, меньшая по объёму и факультативная, описывает подготовительный этап к совершению подвига (с элементами портрета героя, его характера, описания детства и пр.), а вторая, более пространная и обязательная, реализует возможную последовательность сюжетных ситуаций, сводимых к диаде **противостояние — победа**. Кратко резюмируя возможности варьирования сюжета,

укажем, что все факультативные элементы встраиваются в сюжет между двумя точками диады. Такими элементами являются, во-первых, **столкновение** (возможно, неоднократное), а также сюжетный ход **смерть героя – месть соратников героя**, который, в свою очередь, может быть осложнён сменой врага (**устранение врага1 – месть врага2**).

Жанровая преемственность жизнеописаний обосновывается их двойной функцией: в большинстве своём этот жанр выполнял не только функцию идеологического просвещения, но и увлекательного, захватывающего чтения. В первом случае жизнеописание вбирает в себя такие жанровые особенности предшественников, которые формируют идеологичность текста: от житий святых до пропагандистской литературы XIX–XX веков. В то же время изображение ребёнка, ущемлённого и лелеющего мысль об отмщении, во многом наследует русской реалистической традиции XIX века, а именно изображению незаслуженных страданий и мучений детей в творчестве Чехова, Горького, Короленко, Гарина-Михайловского, Вас. Немировича-Данченко и др.

Во втором случае авторы жизнеописаний пионеров-героев заимствовали приёмы создания суггестивного напряжения из той части массовой литературы, которая ещё до появления пионерского героического нарратива предназначалась для развлечения читателей: авантюрно-приключенческий роман, готический роман, детектив. Это делалось для того, чтобы заполнить лакуну «ужасной» литературной продукции, возникшую из-за педагогической цензуры детского чтения в советское время. Ещё одним источником создания суггестии стали заимствования образной стереотипии из криминальной публицистики и «низового» фольклора (блатной песни, городского романса, слухов и сплетен и пр.).

Муссирование героической тематики в таком объёме и качестве не могло не привести к возникновению сниженных и пародийных текстов. С одной стороны, это пародийные стихотворные тексты и переделки, которые паразитируют на конкретных произведениях (например, на песне о Павлике Морозове на слова С. Михалкова) или же на характерных сюжетных элементах (донос, предательство, мученическая смерть). А с другой – это те детские и взрослые фольклорные жанры (саdistские стишки, анекдоты), в которых объектом иронии оказываются базовые ценности советских официальных текстов.

В третьей главе **«Функционирование пионерских текстов и их жанровая трансформация»** рассматривается исполнение пионерских текстов в коллективной пионерской практике.

Большую часть совместного времяпрепровождения пионеры отряда/дружины были заняты подготовкой и проведением ритуализованных праздников. В значительной мере подготовительная и празд-

ничная деятельность состояли в продуцировании/воспроизведении словесных текстов: члены отряда коллективно разучивали песни, публично читали и инсценировали произведения пионерской тематики, ставили пьесы и сценки, выпускали стенные газеты, придумывали и рисовали лозунги и т. д. Наряду с устным исполнением литературы был и письменный: небольшие словесные тексты запечатлевались на бумаге. Это могли быть лозунги, призывы, небольшие по объёму стихотворения, отрывки из прозаических и драматических произведений и пр. Они, как и уставные тексты, использовались в качестве текстов наглядной агитации, помещались в стенгазеты, молнии, на стенды.

Можно выделить три основных вида устного исполнения пионерами словесных текстов: это — пение, декламация (или «громкая читка» — как часто называли в довоенное время декламацию в пионерской среде) и инсценирование — исполнение драматических миниатюр. Словесные тексты могли исполняться сольно (декламация или пение) и ансамблем (песня исполнялась хором, небольшие стихотворные и прозаические тексты озвучивались хором/группой чтецов, драматические миниатюры ставились силами пионерских коллективов). Типы исполнения чередовались с учётом особенностей восприятия детской аудитории, чтобы зрители не уставали от одного типа исполнения, поэтому, например, в сценариях чередуются песни и декламационный материал (в котором в свою очередь перемежаются рифмованные тексты и проза).

Существовала особая методическая литература, которая публиковалась в периодике и отдельными изданиями, ориентирующая вожатых и пионерских работников в том, когда, как и какие пионерские тексты исполнять на праздниках. Это могла быть краткая инструкция со списком рекомендуемых для праздника произведений. Другим же типом фиксации праздничного действия был развёрнутый конспект проведения праздничного пионерского сбора, вплоть до поэтапного его комментирования. Наличие текстов превращало подобный конспект в так называемую «режиссёрско-литературную сценарную запись» или просто «сценарий». Существенным отличием «сценария» от инструкции по проведению праздника является то, что в текст сценария, как правило, включаются целиком все словесные тексты, которые должны прозвучать на празднике. Источниками текстов, включаемых в сценарий, были многочисленные репертуарные сборники, пионерская периодика (например, журнал «Затейник»), моножанровые сборники стихов, песен, пьес, рассказов.

При этом тексты, включённые в сценарий, не имели жанровой атрибуции. Они компилировались не по жанровой принадлежности, а по типу исполнения текста. Об этом свидетельствуют употребляемые в сценариях ремарки: *поют, инсценируется, читает*. Лишь

в одном случае — пения — этому типу исполнения соответствуют исключительно песенные жанры: песни и частушки. В двух других жанровое разграничение текстов оказывается нерелевантным — и декламировались, и инсценировались любые жанры: как уже упомянутые песни и частушки, так и прозаические и драматические произведения. Эта трансформация приводила к снятию жанровой принадлежности текста и обнажению тем самым идеологического наджанрового содержания пионерской литературы. Если в сценарии пояснялись родо-жанровые особенности включённых текстов, то делалось это весьма произвольно. «Стихом» мог называться любой ритмически организованный текст, главным образом рифмованный. Прозаические фрагменты получали жанровое наименование в зависимости от типа исполнения. Если декламировался достаточно большой по объёму текст, то он, как правило, назывался «рассказом» (что соответствует фрагменту любого эпического жанра), если текст инсценировался, то он получал наименование «сценки» (что соответствует драматической миниатюре или фрагменту из текста любого жанра).

Сценарии праздников создавались, как правило, вожатыми и другими пионерскими работниками. В пионерских дружинах и отрядах сценарии переписывались и перепечатывались, при этом переписчиками (вожатыми) вносились исправления и дополнения. Так появлялись местные варианты праздников, которые в свою очередь становились основой для последующих сценариев. Создание и бытование сценариев можно соотнести с созданием и распространением письменного фольклора (или в более отдалённой перспективе — средневековой книжности). Естественно, что при таком использовании сценариев терялась авторская принадлежность этих методических текстов, а вместе с тем утрачивалась авторская и/или жанровая атрибуция литературных текстов, входивших в сценарии праздников.

Анализ трансформации пионерских текстов при включении их в сценарии праздников приводит к выводу: если на протяжении 1920–30-х годов словесный текст в сценарий включался целиком, то в послевоенный период пионерские тексты все чаще попадают в сценарий фрагментарно: песни исполняются отдельными частями (отдельные куплеты или припев), стихотворения и проза читаются отрывками. В то же время широко распространяется озвучение текста несколькими чтецами. Такой способ назвали *монтажом*. К 1960-м годам проведение праздников на основе монтажа стало обязательной принадлежностью пионерской работы.

Каждый тип исполнения пионерских текстов рассмотрен на примере сценариев пионерских ритуалов. Так, анализ исполнения пионерских песен проводится на материале тематического сбора. Всякая советская песня, исполняемая на пионерском празднике, получает название *пионерской песни*. Таким образом, релевантным для отне-

сения песни к пионерским становится ситуация исполнения песни (на сборе), а не её содержание или мелодия. В сценарии тематического сбора отбор и расположение песен подчинены прежде всего идеологическим задачам праздника (например, мифологизация какого-либо значимого события, исторического лица, явления). Охарактеризованы особенности пения в ритуализованных ситуациях (пионерский костёр, орлятский круг и др.) по отношению к народному исполнению. В ситуации исполнения пионерская песня воспроизводится целиком, восстанавливается по памяти, поэтому особую значимость приобретает такая композиционная единица песни как куплет. В пионерской песенной традиции достаточно было иметь в пассивном запасе некоторое количество куплетов из разных песен, потому что пелись, как правило, лишь те фрагменты песен, которые значимы в идеологическом отношении.

Специфика декламации выявляется при рассмотрении ритуала приёма в пионеры, этапы которого проговариваются в стихотворной форме. Необходимость вербализовать в тексте прагматическую ритуальную функцию реализуется в строго определённых формулах-идеологемах. Обретение ребёнком нового статуса строится на ограниченном числе специально значимых для описываемого ритуала концептов: *преемственность* и *прозрение*, к которым и сводится поле значений в описываемых стихотворных текстах. Значение преемственности передаётся путём метонимического переноса (пионер — партия, пионерский галстук — знамя, октябрятская звёздочка — кремлёвская звезда, отрядный флажок — флаг) и метафорически — прежде всего это метафоры *крови* — по принципу градации: кровь отцов, старших братьев и кровь пионеров-героев, которым наследует вступающий в организацию. Второй концепт выражен через метафоры света (*заря, пламя, пожар, костёр*).

Для определения особенностей инсценирования пионерских текстов привлекаются сценарии новогодних праздников. Прослежены изменения их содержания и прагматики, которые обусловлены сменной идеологических приоритетов. В сценариях 1960-х годов, например, видное место занимает тема освоения космических пространств, поэтому и в названии, и в персонажном составе, и в сюжете заявляется космическая тема, тогда как в сценариях 1970-х годов на первый план выступает тема школьной жизни, прилежной учёбы, овладения знаниями. Таким образом, на содержание новогоднего ритуала влияли как события общественной жизни, так и идеологические установки самой пионерской организации (например, прилежная учёба как залог успешного социалистического строительства).

В **Заключении** диссертационного исследования подводятся итоги работы. Изучение феномена *литературы организации* на материале пионерской литературы показало, что все содержательные её свой-

ства подчинены агитационно-пропагандистским задачам, а функционирование обусловлено коллективной ритуальной практикой организации, что может повлечь как смену статуса текста (утрата авторства, фрагментация), так и трансформации жанра и поэтики.

В ходе исследования установлено, что идеологизированность в наибольшей степени характерна для текстов уставных документов (и их литературных переложений). В остальных разновидностях пионерской литературы идеология объективируется различными художественными способами. Способы реализации идеологических значений зависят от жанровой и функциональной специфики текста. Афористические тексты (девизы, речёвки) максимально аккумулируют идеологические клише, в развёрнутых же повествованиях эти клише эксплицируются в сюжетах, характеризующихся специфическими пространственно-временными признаками, системой персонажей и топикой, формирующей образность в соответствии с идеологическими ориентирами пионерской организации и, шире, коммунистическими, а затем советскими идейными ценностями.

В работе прослежены изменения идеологических приоритетов: если в 1920-е годы в пионерской литературе доминировало политико-идеологическое содержание, выражавшее основные положения коммунистической программы, то, начиная с 1930-х годов, степень политизированности пионерской литературы постепенно снижалась. Её содержание расширялось за счёт изображения собственно детской тематики: как сферы публичной детской жизни (игры, развлечения, школьная повседневность), так и области приватного (семья, дом, дружба). В то же время некоторые идеи политического происхождения при всех их модификациях сохранялись на протяжении всего периода существования пионерской литературы: это прежде всего идея государственного суверенитета Советского Союза, целостности границ и мощи его природного, экономического и культурного потенциала.

Исследование показало, что реализация идеологических значений находится в тесной связи с жанровой спецификой текста. Пионерской организацией оказались востребованы именно те жанры, которые в наибольшей мере отвечают задачам идеологического просвещения (например, массовая песня или беллетризованная биография). Анализ поэтики этих жанров выявил, какими художественными способами объективируются те или иные идеологические значения (композиция, портретные и характерологические черты персонажей, деталь и др.).

В ходе работы выявилась тесная взаимосвязь существенных свойств текстов пионерской литературы с прагматикой пионерской коллективной практики. Последняя среди прочего состояла в эмоциональном воздействии на участников ритуала, направленном на

внушение идеологических значений. Этим обусловлены трансформации литературных текстов, используемых в пионерских ритуалах: суггестивная функция создавалась «нагнетанием» большого количества различных по жанровой природе и происхождению текстов, что приводило к фрагментации текстов и компрессии идеологических клише.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. *Леонтьева С.Г.* Поэзия пионерских праздников // Детский сборник. Статьи по детской литературе и антропологии детства / Сост. Е. В. Кулешов, И. А. Антипова. М., 2003. С. 28–41.
2. *Леонтьева С.Г.* Петрушка или Петя-пионер? // Детский сборник. Статьи по детской литературе и антропологии детства / Сост. Е. В. Кулешов, И. А. Антипова. М., 2003. С. 264–274.
3. *Леонтьева С.Г.* Детский новогодний праздник: сценарий и миф // Отечественные записки. 2003. № 1. С. 242–256.
4. *Леонтьева С.Г.* Трудовое детство: концепт детского труда в советской периодике // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 323–333.
5. *Леонтьева С.Г.* Суггестивность в массовой пионерской словесности: советские ценности в прагматике текста // Пушкин и Калиостро. Внушение в искусстве и в жизни человека: Материалы конференции. СПб., 2004. С. 125–135.
6. *Леонтьева С.Г.* Пионер — всем пример // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 249–259.
7. *Леонтьева С.Г.* Жизнеописание пионера-героя: текстовая традиция и ритуальный контекст // Современная российская мифология. М., 2005. С. 89–123.
8. *Леонтьева С.Г.* «Кто шагает дружно в ряд?» // Живая старина. 2005. № 4. С. 27–31.